

Научная статья
УДК 34.01
doi: 10.17223/15617793/474/27

Историко-философский (объективно-научный) метод юриспруденции С.А. Муромцева

Левон Владимирович Батиев¹

¹ Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия, batiev@ssc-ras.ru

Аннотация. Концепция С.А. Муромцева выстроена на истории и догме римского права, критике гегельянства, исторической школы права, идеях Р. Иеринга с упором на англо-французский позитивизм. Охарактеризовано становление методологии Муромцева, ее источники и составные элементы, влияние на определение предмета, задачи правовой науки и ее разделение на отрасли. Делается вывод, что заслуга С.А. Муромцева – не «изобретение» новой методологии, а применение позитивизма к исследованию права.

Ключевые слова: методология, позитивизм, юридическое мышление, историзм, психологизм, индукция, дедукция, наука, догма права

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН № 122020100350-2.

Для цитирования: Батиев Л.В. Историко-философский (объективно-научный) метод юриспруденции С.А. Муромцева // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 243–254. doi: 10.17223/15617793/474/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/27

Historical-philosophical (objective-scientific) method of jurisprudence by Sergey Muromtsev

Levon V. Batiev¹

¹ Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation, batiev@ssc-ras.ru

Abstract. The object of research is the methodological program of Sergey Muromtsev, on the basis of which a program for transforming legal science was developed. The aim of the article is to characterize the formation of Muromtsev's methodology, its sources and composite elements, the impact on the definition of the subject and objectives of legal science and its separation in the industry. Theoretical and methodological attitudes of Muromtsev were formed at the time when the need for reforms was certainly recognized in Russian jurisprudence. The historical and legal basis of the concept was made up of studies on the history and dogma of Roman law. Muromtsev's conception was built on the basis of a critical analysis of the main lines of development of German jurisprudence – Hegelianism, the historical school, taking into account the practical direction and active use of the works of R. Ihering. The conception was formed on the basis of the German school of jurisprudence and later supplemented and improved based on the positivist philosophy itself. The transition from “historical-philosophical” to “objective-scientific” research reflected Muromtsev's greater attention to the Anglo-French positivism (in particular, the logic of J. St. Mill). From the point of view of positivist methodology, Muromtsev considered the addition and verification of the results of the historical-comparative study with a priori theses about the nature of man and society, the addition of induction by deduction from psychological and sociological laws. Muromtsev's psychologism was focused primarily on the explanation of the processes of legal education. Muromtsev can be considered a supporter of a multifactorial explanation of the origin of law. However, the immediate (final) source of law, according to his theory, is jurisprudence in the broadest sense of the word (legal thinking). The psychological characteristics of society and lawyers are a factor that determines the specifics of the law in a particular period of a particular society. This conclusion can serve as a guideline in sociological research of the legal education process even today. The distinction between science, politics, and dogma is based on a radical revision of the subject, tasks (goals), and methodology of jurisprudence from the standpoint of positivism and historicism. As a result, Muromtsev proposed to distinguish between dogma in the strict sense (study of current law in order to apply it in practice) and a new general dogmatic theory (“a systematic presentation of the principles of the current law of any country and any time”). It is not a study of laws in the scientific sense of the word, but it can be a preparatory stage for induction and deduction, which should be done by jurisprudence as a part of social science. The merit of Muromtsev is not the “invention” of new methodological techniques, but a consistent application of the positivist methodology to the study of legal material.

Keywords: methodology, positivism, legal thinking, historicism, psychologism, induction, deduction, science, dogma of law

Funding: The article was prepared as part of the state assignment to the Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, No. 122020100350-2.

For citation: Batiev, L.V. (2022) Historical-philosophical (objective-scientific) method of jurisprudence by Sergey Muromtsev. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 243–254. doi: 10.17223/15617793/474/27

Во второй половине 1870-х гг. С.А. Муромцев выступил с энергичной критикой основных направлений правовой науки (немецкой философии права, исторической школы права и «практического» направления) и предложил программу коренного преобразования юридической науки, которая включала в себя новое определение предмета, метода и задач юридической науки, места и роли отдельных ее отраслей – истории, догмы и политики права. Но, как отмечал в начале XX в. Б.А. Кистяковский, хотя С.А. Муромцев представил стройную социально-научную теорию права, заключенное в его трудах «идейное богатство до сих пор остается у нас не совсем использованным» [1. С. 2]. Уже в начале XXI в. Ю.И. Гревцов также указывает, что многие важные и даже глобальные проблемы правовой теории, поднятые в работах основоположника социологической юриспруденции, в отечественной науке оказались отодвинутыми в глубокую тень [2. С. 15].

Предметом настоящей статьи являются методологические установки С.А. Муромцева. В качестве исходной гипотезы рассматривается тезис о ключевом значении исследований римского права в формировании социологического правопонимания, последующем, более активном использовании методологии позитивистской философии и развитии методологии, ограниченном значении историко-сравнительного метода и акцентировании внимания на психологии. В исследовании концепции С.А. Муромцева использовались традиционные методы анализа и истолкования авторских текстов с учетом возможной эволюции его идей и в конкретно-историческом контексте российской правовой науки второй половины XIX в.

Необходимость преобразований в российской юриспруденции во второй половине XIX в. ясно осознавалась учеными и публицистами. В 1867 г. А.Б. Думашевский писал, что в России, в отличие от других европейских стран, не найти ни одного учебника или руководства по гражданскому праву и процессу. Три-четыре книжки – это «или голые перепечатки, в сокращенном виде, статей действующего законодательства, или непонятые и изуродованные положения римского права... или же какие-то философствования, переплетенные заметками из истории русского права», нет «почти ни одной монографии, ни одного исследования» [3. С. 3–4, 5]. При этом, однако, обнаруживается значительное число сочинений по истории права, философии права и сравнительному изучению законодательств [3. С. 6]. К. Малышев объяснял преобладание исторического направления в науке гражданского права тем, что оно ориентировано на «раскрытие исторических оснований действующего права, как такой стороны его, которая всего удобнее изучается только в университете и не может быть

изучена путем судебной практики» [4. С. 2]. По мнению Г.Ф. Шершеневича, успех исторической школы права в России был обусловлен политическими соображениями – торжеством реакции в 20–30-е гг. XIX в. и покровительством со стороны правительства, поскольку из духа исторической школы «можно было вывести ненарушимость общественных установлений, имеющих за собой историческое прошлое, неприкосновенность исторических прав» [5. С. 23], а также ее внутренней притягательной силой, которой «невольно подчинились русские ученые» [5. С. 28].

А.Б. Думашевский отсутствие научной разработки действующего права выводил из ложно понятой исторической школы права [3. С. 13–16], из-за чего начиная с 30-х гг. XIX в. занятия историей права решительно вытеснили догматическое изучение отечественного права. Для Германии историческая школа права имела практическое значение. Она непосредственно вытекала из правового быта Германии, из характера материального содержания и источников общенемецкого права, которое представляло собой конгломерат несистематизированных источников, включая *corpus juris civilis*, *corpus juris canonici* (с их составными частями) и *libri feudorum*, бесчисленное множество чисто немецких источников, начиная от *leges barbarorum* до законодательных актов бывшего Германского союза, и бесконечного числа партикулярных прав под самыми разнообразными названиями [3. С. 21–23]. Немецкий юрист, работая над реставрацией древних актов, занимается своим действующим законодательством, ибо этот памятник служит источником указанного законодательства. Историческая школа поэтому имела в Германии не теоретический, чисто научный интерес, а самое практическое, прикладное значение [3. С. 24–26]. В России же «началось не историческое изучение нашего действующего права... а изучение нашего исторического древнего права, без всякого отношения к ныне действующему праву» [3. С. 27].

В 1879 г. в редакционной статье «Журнала гражданского и уголовного права» было заявлено, что «русская юридическая мысль пока еще в пленках» [6. С. 1–2]. В 1882 г. Р. Иеринг в письме к русским издателям и вовсе охарактеризовал состояние российской юриспруденции как целинное: «Россия имеет для меня значение девственной научной почвы, восприимчивой насаждаемые мной семена науки легче, чем всякая иная, издавна возделываемая» [7. С. 2]. В 1880 г. К.Д. Кавелин объяснял недостаток внимания к теоретическим основаниям правоведения в России почти исключительно практическим и непосредственно утилитарным направлением юриспруденции и призывал теоретическое правоведение выйти из забвения и заброса [8. С. 82]. Критики утверждают, что в российской научной юриспруденции отсутству-

ет научная почва, наука беспредметно блуждает между метафизикой и законодательством, «теоретики занимаются исключительно формулами права, не заботясь об их фактическом содержании... Имея дело с формой без содержания, юриспруденция невольно превращается в схоластику, вредную для жизни». Но беда в том, замечает К.Д. Кавелин, что в науке права до сих пор нет определенности, в чем именно должна состоять новая постановка задачи и каким способом должна совершиться ожидаемая реформа. «Очевидно только, что предстоит более тесное сближение юриспруденции с другими общественными науками, преимущественно с политической экономией... вопрос только в том, как приняться за дело, с какой стороны к нему подойти?» [8. С. 110–111].

С.А. Муромцев также уже в начале своей научной карьеры выступил с заявлением о том, что наука гражданского права нуждается в обновлении – может быть, даже в большей степени, чем другие отрасли правоведения, поскольку в сфере государственных наук, у криминалистов и процессуалистов историко-философское направление находится на вполне прочной дороге. «Политический интерес господствует там не менее, если не более, интереса догматического и придает энергию научному исследованию предмета» [9. С. 224].

Первым специальным исследованием методологического характера в этот период была монография В.И. Сергеевича «Задача и метода государственных наук...» [10. С. 1871]. В ней, помимо критического разбора немецких школ государства, весьма сочувственно описана позитивистская методология Огюста Конта, Джона Стюарта Милля и Корн. Льюса (Льюиса Джорджа Корнуэлла), которая, по мнению автора, оставила далеко за собой все попытки немецких мыслителей установить правильные приемы исследования в области политики [10. С. 178]. Как отмечал П.И. Новгородцев, «в свое время эта книга... пользовалась огромной популярностью. Каждый юрист еще лет 20 тому назад считал своим долгом прочесть ее и усвоить, как некоторый *vademecum*, обязательный для того, кто хочет иметь ясное представление о задачах науки. ...Тут была целая программа, составленная в духе Конта и Милля. В сущности, далее программы дело не пошло; все ограничилось первыми листами курсов и добрыми пожеланиями» [11. С. 82–84].

С.А. Муромцев избрал свой путь, начав с конкретно-исторического исследования, посвященного характеристике юриспруденции Древнего Рима. На монографию В.И. Сергеевича его российский коллега сослался лишь по одному поводу – в связи с критикой Савиньи [9. С. 234; 12. С. 5].

Вообще, в основание теоретико-методологических изысканий С.А. Муромцева положены результаты исследований римского права [13. С. 177, 179; 14. С. 190–194; 15. С. 7–19; 16. С. 191–199]. Р. Иеринг в предисловии ко второму изданию «Духа римского права» от 23 января 1866 г. указывал, что его «цель есть не римское право, но право вообще, исследованное и сделанное наглядным на римском». Другими

словами, пояснял он, «моя задача принадлежит скорее философии и догматике права, чем его истории» [17. С. III]. Точно так же и С.А. Муромцев из истории римского права выводит необходимость новой науки, и на его материалах формулирует собственную концепцию. В этом отношении римское право предоставляло исследователю достаточно материала для выведения понятия права из организованной защиты. Как известно, «по римским воззрениям, только судебная защита наличного права давала этому последнему настоящую ценность и завершение. Но эта защита не связывалась в представлениях римских юристов неразрывно с самим материальным правом. Только в тех случаях, когда орган государства устанавливал возможность предъявления иска (*actio*) по делам известной категории, можно было говорить о праве, защищаемом государством. В этом смысле можно сказать, что римское частное право есть система исков» [18. С. 59].

С.А. Муромцев и сам утверждал, что все главные обобщения гражданского права вырабатывались и проверялись на римском праве. Будущему предстоит присоединить к этому материалу новые области и преобразовать изучение римского права в общую науку гражданского права. «Пока этого не случилось, наше внимание должно сосредоточиться на римском праве как зерне начинающейся науки» [19. С. 80]. Но спустя десятилетие он уже признавал, что сравнительно-историческое исследование оставляет за историей римского права «лишь двоякое вспомогательное значение: она или подготавливает факты римского права, как материал, для сравнительно-исторического изучения, или же на фактах римского права проверяет справедливость обобщений, приобретённых путём такого изучения» [20. С. 148].

Труды исторической школы права С.А. Муромцев считал не только «первыми сильными проблесками научного исследования» [19. С. 74], но и образующими «до сего времени... основной элемент юриспруденции; тип исторического и догматического исследования, как бы он ни обозначился в трудах исторической школы, служит основным типом юридического исследования» [20. С. 140]. Важнейшим итогом учения Савиньи стало убеждение в том, что происхождение права стоит вне человеческого произвола [21. С. 2]. Однако Савиньи «далеко не ясно определил смысл закономерного развития или закона внутренней необходимости и тем стал причастен, конечно, образованию недоразумений» [9. С. 234; 12. С. 5]: отрицание произвола в процессе образования права было переделано Пухтой «в отрицание участия человеческой деятельности, а самый процесс объективирован» [9. С. 237; 12. С. 9].

К недостаткам исторической школы отнесено также нежелание искать «высшие обобщения относительно природы права», считая их достоянием философии [19. С. 73]. Она стремилась «проследить постепенное развитие права своего народа... и выяснить те результаты, к которым привело это развитие. На самом деле это было повторение прежней цели – понять действующие источники права» [19. С. 73]. Позднее

К.А. Кузнецов также указывал, что исторический метод «научил юриспруденцию интересоваться действующим, а не рационалистически строяемым правом» [22. С. 3]. В то же время, продолжал С.А. Муромцев, догма права «развивалась почти вне всякого положительного влияния исторических работ, превращая организм в логическую систему» [19. С. 75]. Благодаря Пухте право стало восприниматься как самостоятельно развивающийся организм, а организм права понимался в смысле логической системы юридических принципов, чем было положено начало новой догматической теории права [20. С. 142–143].

По оценке С.А. Муромцева, движение против застоя истории и игнорирования настоящего начинается в теоретической юриспруденции с конца 1840-х гг. [19. С. 75]. Новое, «практическое», направление требовало строить теории и принципы на основании сознательного изучения природы человека и общества. Следующий шаг заключался в изучении гражданского права в связи с другими областями общественной жизни; в поле зрения юристов попали другие правовые сферы, а также политэкономия, психология [19. С. 76]. Важнейшие достижения нового направления, сделанные Р. Иерингом, заключались в следующем: а) «правовые определения не даются нам сами собою, а составляют продукт нашего умственного труда» [19. С. 77]; б) «каждая юридическая норма представляет собою средство, цель которого состоит в защите какого-либо гражданского интереса; каждое право есть не иное что, как защищенный интерес» [19. С. 77; 20. С. 149]; в) «происходит постоянная борьба более целесообразных средств с менее целесообразными и, как результат этой борьбы, смена последних первыми» [19. С. 78; 20. С. 149]. Это борьба в области объективного права (юридических норм) и в сфере субъективного права (юридических отношений) [19. С. 78]; г) «юридические нормы представляют собою не абстрактные сущности, а лишь выражение того порядка, который господствует в жизни, и имеют значение лишь тогда, когда соответствующие им правоотношения обладают жизненностью» [19. С. 78].

Уже в 1875 г. В.И. Герье отмечал, что руководящей нитью для Муромцева в его первой работе «О консерватизме римской юриспруденции» были, во-первых, «замечание Иеринга, что консерватизм римлян <...> был одной из причин их юридического творчества» [23. С. 225], и, во-вторых, понятие о «юриспруденции» [23. С. 227], которая начинается у Иеринга «с первых попыток мысли подчинить явления практической жизни известным правовым нормам, совпадает с юридическим мышлением» [23. С. 228]. Непосредственным результатом изучения римской юриспруденции С.А. Муромцевым стали конкретизация и развитие идеи о ее консерватизме, под которым автор понимал наклонность «сохранять по возможности долго, не стесняясь практическими требованиями гражданского оборота, раз установившиеся ассоциации юридических представлений» [21. С. 187]. Этот вывод приобретает у С.А. Муромцева общее значение – консерватизм обнаруживается на всех ступенях развития юриспруденции [24. С. 143].

Причиной древнейшего консерватизма С.А. Муромцев назвал «конкретность древнего мышления и наклонность его к объективизму в созерцании существующих между людьми отношений» [21. С. 187]. Но «позднейший консерватизм есть, по его мнению, самостоятельная потребность юридического мышления, иначе говоря – юристов» [23. С. 244].

Для С.А. Муромцева чрезвычайно важно было указать на то, что правовые понятия не являются сами собою, не возникают органически из народного духа, а должны добываться трудом. Для иерингианца право состоит в непосредственной связи с жизнью народа, потребностями человека и его мышлением как источником и средством образования права. Поэтому С.А. Муромцев предложил различать, во-первых, причинную зависимость содержания юридических норм от потребностей гражданской жизни (на этой стороне вопроса он не останавливается) и, во-вторых, «акт формулирования юридических норм... Этот акт искания есть деятельность юридического мышления или юриспруденции в широком смысле и подлежит самостоятельному историческому исследованию» [21. С. 187]. История юриспруденции «должна определить область тех явлений права, которые обязаны своим происхождением не потребностям юридической жизни, а исключительно присущим юристам (и обществу) представлениям о природе юридических явлений, известным привычкам, свойственным юридическому мышлению, наконец, недостаткам последнего; необходимо определить законы исторического развития различных свойств юридического мышления и зависящих от них юридических явлений» [21. С. 4]. Неслучайно Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «первоначально, под влиянием успеха *Geist des Römischen Rechts*, г. Муромцев понимал историю права главным образом как историю развития юридического мышления» [5. С. 202].

Под юриспруденцией в широком смысле слова (юридическим мышлением) С.А. Муромцев подразумевал совокупность психической деятельности, направленной к отысканию и реализации норм, регулирующих гражданский оборот (совокупность фактических отношений внутри общества). Каждый правопорядок есть результат взаимодействия обоих элементов [9. С. 256]. Исследование, которое должно определить «происхождение самого содержания гражданского правопорядка», составляет вторую – труднейшую часть теории правообразования [9. С. 314]. Но эта часть остается за пределами его внимания.

В «Очерках общей теории гражданского права» автор вновь призывает отказаться от «объективирования» исторического процесса правообразования и обратить внимание на психический труд по формированию права. Обыденное мирозерцание забывает труд и борьбу, потраченные на образование какого-либо порядка. Следом «наука принимает обыденное воззрение за действительное объяснение предмета» [9. С. 239–240]. Между тем, указывает он, образование юридических норм всегда соединено с известной затратой психического труда, которая и является исторической причиной образования права [9. С. 250].

Концепцию правообразования как результата деятельности юриспруденции С.А. Муромцев противопоставляет «объективизму», который был устранен из теории образования права благодаря учению Р. Иеринга [20. С. 149]. Суть объективизма С.А. Муромцев определяет как «наклонность приписывать практическим идеям некоторое самобытное существование, мыслить их как некоторый самостоятельный, самобытный объект» [9. С. 239; 12. С. 11; 20. С. 44–99; 24. С. 27]. Обыденное мирозерцание забывает труд и борьбу, потраченные на образование какого-либо порядка, а следом «наука принимает обыденное воззрение за действительное объяснение предмета, самохарактеристику за верную характеристику» [9. С. 239–240; 12. С. 12]. В юриспруденции под влиянием исторической школы «объективизм» представлял право чем-то изначально готовым, вложенным в дух народа и саморазвивающимся [20. С. 149], вследствие чего «источники» права оказывались не формами образования, а только формами выражения права [12. С. 9].

Между тем право вырабатывается деятельностью человека и общества только путем «психического труда» [9. С. 255]. Каждый акт правообразования «обусловлен результатами предшествовавших ему актов и всеми сопровождающими его обстоятельствами, между которыми главное место принадлежит совокупности условий, вытекающих из природы человека и общества» [9. С. 255]. Задача психологии – «привести процесс правообразования... в согласие с теорией человека» [9. С. 256].

Необходимость поставить развитие гражданских институтов в тесную связь с экономическим строем общества и психологическим состоянием человека С.А. Муромцев отмечал уже в магистерской диссертации [19. С. 76]. В лекции «Римское право как предмет науки» он указывает, что новый важный шаг в развитии цивилистики заключался в привлечении политической экономии и психологии для объяснения явлений гражданского права. С развитием этого направления «юриспруденция приобретет твердую почву и критерий для своих выводов» [19. С. 76]. Но экономический аспект интересовал российского ученого в наименьшей степени «в силу его образования и душевных склонностей» [25. С. 14]. Согласно Муромцеву, юридическая норма появляется как результат совокупного действия многих факторов – это «воззрение на справедливость, состоящее в связи со всем умственным и нравственным строем общества», «государственный элемент народной жизни», соображения «технического свойства», определяющие в праве его технический элемент [9. С. 225]. «Экономические потребности часто играют далеко не первую роль и далеко не находят в возникшей юридической норме своего полного удовлетворения» [20. С. 145]. Экономизм страдает односторонностью, забывая «о психологическом нравственном и чисто практическом элементах права» [26. С. 3]. Как считал В.М. Нечаев, консерватизм в римской юриспруденции Муромцев заинтересовался потому, что у римских юристов он «думал найти секрет» «творческой юриспруденции», «дорогу активного созидателя нового права на

почве русской косности» [14. С. 188; 25. С. 3]. Вслед за Р. Иерингом С.А. Муромцев стремится объяснить особенности эволюции права Древнего Рима посредством психологической характеристики населения Вечного города и в особенности его юристов [21. С. 187]. Первенствующее влияние следует, по мнению С.А. Муромцева, приписать психологическому фактору и в процессе рецепции римского права в Западной Европе [20. С. 89–90].

Таким образом, можно утверждать, что на первом месте в его творчестве всегда стояло психологическое объяснение процессов правообразования. Не сводя всю совокупность факторов образования объективного права к психологии, С.А. Муромцев, тем не менее, считал, что этот процесс всегда соединен как с непременным условием с известной затратой психического труда. И именно эта затрата представляется автору «исторической причиной образования права» [20. С. 28] или, говоря другими словами, непосредственным источником формулирования именно данных конкретных правоположений.

Психологизм Муромцева являлся продолжением идей Р. Иеринга, который искал факторы, породившие римское право «в психологических свойствах личности данного времени и в организации данной общественной среды» [12. С. 148]. Сам Муромцев отмечал, что особенную цену трудам Иеринга дает его постоянное стремление ставить выводы, полученные путем изучения чисто юридического материала, в связь с обобщениями, принадлежащими другим областям социальной науки и психологии [26. С. 4]. В особенности это относилось к тем факторам, «которые коренятся в нравственных и умственных свойствах личности» [20. С. 149]. Свою роль в этом процессе сыграли, по мнению С.А. Муромцева, и ученики Гегеля. «Они указали, что источник историко-философского объяснения правовых институтов следует искать в природе человека. ...Главное дело было сделано, и так или иначе право введено в общение с психологией» [26. С. 38].

Психологический уклон С.А. Муромцева был отмечен уже его современниками. Характеризуя методологию С.А. Муромцева, М.М. Ковалевский справедливо указывал, что его «направление в широком смысле слова может быть названо не столько сравнительно-историческим, сколько психологическим» [13. С. 176]. «Посещая лекции Иеринга, Муромцев только укрепился в психологическом методе изучения юридического роста Рима» [13. С. 178]. Будучи романистом, он «в своей разработке римского права держался психологических объяснений» [13. С. 179]. В.М. Нечаев также подчеркивал: «Муромцев всегда и по преимуществу был склонен к психологическому объяснению исторических явлений... В методологии своих построениях он отводит психологии первенствующее место» [25. С. 13–14]. О ключевой роли психологического подхода в теории Муромцева писал и А.И. Каминка: Муромцев «говорит о том, “психическом труде”, который создает право, и именно в этом он видит “историческое отношение человека к праву”» [14. С. 197].

Психологизм Муромцева ограничивается в основном процессом правообразования. М.Н. Коркунов, указывая на сужение предметного поля правовой науки Муромцевым, отмечал, что для объяснения правовых явлений «одинаково необходимо как исследовать изменяющееся исторически содержание принципов права, так и определить общие свойства и элементы такого сознания обусловленной возможности, его психологическую основу и его социальное значение» [27. С. 42]. Отсутствие указанных элементов в теории С.А. Муромцева делает, по мнению Н.М. Коркунова, его определение права совершенно несостоятельным [27. С. 23].

В 1871 г. В.И. Сергеевич, подводя итог развитию государствоведения в Европе, писал: «смутные стремления сторонников соединенной методы, с одной стороны, к выведению свойств государства из свойств человеческой природы, а с другой, к наблюдению исторических явлений государственной жизни – приводятся в гармонию и получают ясную и совершенно правильную постановку только в “положительной методе”» [10. С. IV]. Именно по такой траектории шло развитие взглядов и С.А. Муромцева. Он также указывал, что основание теории правообразования в немецкой юриспруденции составилось из идей, выработанных философией истории и воспроизведенных в юриспруденции [12. С. 1]. Гегель и его ученики (Ганс) ввели в историю объяснение исторических фактов путем дедукции их из основных свойств человеческой природы. Работа исторической школы была соединена с работой естественной школы. «Дедуктивные выводы предлагалось проверять на истории, и факты истории освещать выводами из природы человека» [20. С. 144].

«Генетически» концепция С.А. Муромцева не была переложением философии позитивизма на юридический язык. Она формировалась на основе немецкой школы правоведения (отсюда и историко-философский метод), а позднее дополнялась и совершенствовалась на основе собственно позитивистской философии. До издания монографии «Определение и основное разделение права» в 1879 г. С.А. Муромцев преимущественно использовал характерное для немецкой школы юриспруденции понятие «историко-философский метод». Такое словосочетание почти тридцать раз встречается в «Очерках теории гражданского права». В монографии «Определение и основное разделение права» вместо него активно используется понятие «объективно-научный метод», более характерное для английской и французской научных школ. В обоих случаях речь идет об одном и том же позитивистском подходе к научному исследованию. Переход от историко-философского к объективно-научному исследованию отражал большее внимание С.А. Муромцева к англо-французскому позитивизму (в частности логике Дж.Ст. Милля).

«Главная задача г. Муромцева, – указывал Г.Ф. Шершеневич, – состоит в направлении гражданского правоведения на путь историко-сравнительный» [5. С. 202]. Об этом же пишет и В.Д. Зорькин: «Социологическая теория права, по С.А. Муромцеву,

строится в тесной связи с историко-сравнительным методом» [28. С. 141]. Эта оценка верна лишь отчасти. Саму историю как науку С.А. Муромцев оценивает достаточно скромно. Историческое правоведение лишь готовит материал для последующей научной обработки. Сравнительное изучение, согласно Муромцеву, не дает необходимого понимания природы права и его институтов. Оно «открывает в лучшем случае возможность определить фазы его последовательного развития, обусловленные общими, не национальными причинами» [9. С. 109]. Для обеспечения широты материала С.А. Муромцев предлагает исследовать право сохранившихся «низших цивилизаций», чтобы дополнить знания о прошлом “высших цивилизаций”, но не ограничиваться изучением одного прошедшего» [9. С. 221–222]. Максимум достоверных сведений, необходимых для обобщений, способна дать жизнь, современная исследователю [9. С. 224].

Ещё более важным автор называет параллельное сравнительно-историческое изучение (синхронный метод), которое открывает общие черты, одинаково присущие истории каждого права. Применение метода аналогии (восполнение пробелов в истории одного права «при помощи аналогий, заимствованных из истории других прав»), при соблюдении должной меры, является «вполне законным и могущественным методом исторического исследования» [20. С. 147]. Изучение права многих народов открыло общие черты истории каждого права и фазы развития права и отдельных правовых институтов. Тем самым история права приблизилась к раскрытию законов исторического развития права, войдя в соприкосновение с социологическим направлением в юридической науке, порожденным влияниями англо-французского позитивизма [20. С. 147–148]. Муромцев готов согласиться, что история в целом и историко-сравнительное исследование в частности приводят к открытию законов. Но это всего лишь «исторические» законы, основанные на методе простого перечисления; «в их числе одинаково могут быть и законы последовательности, и законы сосуществования» [29. С. 7–8].

В «Очерках общей теории...» С.А. Муромцев дал описание историко-философского подхода, разрабатываемого в Германии: его суть заключается в анализе фактов, произведенном через введение в исследование какого-либо данного, относящегося к природе человека или к существу общества. Историко-философское исследование раскрывает связь, существующую между историческими явлениями и природою человека или общества» [9. С. 67–68, 223]. (О недоверии немецких ученых к опытному знанию и их желании пополнить и подкрепить результаты наблюдения философскими приемами писал и В.И. Сергеевич [10. С. 181].) Эта методологическая установка применима и к исследованию гражданского права: понимание законов развития его как группы явлений общественной жизни «должно быть достигнуто путем наблюдения и основанных на нем обобщений, подкрепляемых и расширяемых дедуктивными выводами из знаний, представляющих результат изучения других сторон народной жизни и человеческой природы» [19. С. 72].

Новизна данного тезиса условна. В.И. Сергеевич описал указанное требование, характеризуя методы исследования, принятые в английском и французском государствоведении, основанном на позитивизме: «Исключительная сложность, составляющая характеристическую особенность социальных феноменов, и невозможность произвольных опытов не позволяют довольствоваться, при изучении социальных фактов, одними приемами наведения (индукция), а делают еще необходимым обращение к выведению (дедукция). Правильная метода, таким образом, состоит в соединении наведения с выводением» [10. С. 191].

Вновь к пояснению смысла объективно-научного (историко-философского) исследования Муромцев возвращается в работе «Что такое догма права?». Законы истории, пишет он, полученные путем простого перечисления, т.е. чисто индуктивным путем (в их числе одинаково могут быть и законы последовательности, и законы сосуществования), требуется внести «на высшие обобщения психологии и социологии или, другими словами, соединить их в одно целое при помощи дедукции из психологических и социологических законов» [29. С. 8]. В данном случае мы видим точное следование методологическим указаниям Дж.Ст. Милля: «История... представляет эмпирические законы общества. А задача общей социологии – дознать эти законы и связать их с законами человеческой природы посредством дедукций» [30. С. 496]. В связи со стремлением оппонентов приравнять историю и догму к динамике и статике в позитивизме С.А. Муромцев, проясняет, что история права никоим образом не совпадает с динамикой, так же как и догма права не совпадает со статикой в позитивистском понимании. «Отношение истории к обеим частям социологии – и к динамике, и к статике – одинаковое: история дает тот материал, из дальнейшей переработки которого получают и динамические, и статические законы (хотя не на одной только истории они основываются)» [29. С. 7].

Принципы позитивизма, реализованные С.А. Муромцевым, были впервые в российской юриспруденции подробно описаны В.И. Сергеевичем, который указывал: задача наблюдения заключается в обнаружении и обобщении единообразия в сосуществовании и «последовании» явлений, на основе чего выводятся общие положения. Для этой цели необходимо осуществить сравнительное наблюдение единовременных явлений исторической жизни человека и присоединить к нему сравнение историческое, т.е. сопоставление различных ступеней последовательного изменения одного и того же общества [10. С. 206–207]. Однако все единообразия, открываемые путем сравнительно-исторического приема, не идут далее эмпирических законов [10. С. 212]. Они должны быть приведены в связь с законами человеческой природы, чтобы получить «значение законов общих, применимых и к новым случаям, которые будут оправданы дедуктивно из законов человеческой природы» [10. С. 214]. Таким образом, единственно возможный способ исследования социальных феноменов «состоит сперва в раскрытии эмпирических законов путем сравнитель-

но-исторического наведения, а затем уже в проверке полученных единообразий дедукцией, т.е. в указании, что на основании законов человеческой природы именно таковы должны быть производные законы человеческого развития, или, если такой строгой вывод не может иметь места, – что полученные единообразия, по крайней мере, согласуются с законами человеческой природы» [10. С. 215].

Новизна работ С.А. Муромцева в данном случае состояла не в изобретении нового метода, а в последовательном применении наработанных в немецкой юриспруденции и описанных в англо-французском позитивизме приемов к исследованию права. Пример такого исследования с описанием историко-философской (объективно-научной) методики, начиная с оценки исторического источника и заканчивая обобщениями, представлен в очерке «Об исследовании скрытых исторических фактов в применении к истории гражданского права» докторской диссертации С.А. Муромцева [9. С. 104–157].

Разграничение науки, политики и догмы в концепции С.А. Муромцева основано на коренном пересмотре предмета, задач (целей) и методологии правоведения с позиций позитивизма и историзма. В ранней лекции о римском праве С.А. Муромцев противопоставил позитивизм философско-правовым спекуляциям, весьма просто объяснив задачу науки: ее первый шаг – «чисто объективный, наблюдательный; она имеет целью определить, что есть». И только основываясь на таком знании, можно ответить на вопрос, что должно быть, к чему следует стремиться [19. С. 70; 24. С. 138]. Предмет правовой науки составляют законы исторического образования и развития права. Наука должна изучать общее направление постоянной смены форм общественной жизни, изучать законы преемственности правовых состояний [9. С. 250; 19. С. 70].

Исходное убеждение С.А. Муромцева состояло в том, что истинная наука может заниматься исключительно законами развития своего объекта. «Раскрытие же самого источника его закономерности, если только оно доступно человеческому уму, не входит в юриспруденцию. Составляя предмет высшей философии, оно не может быть предметом теории права» [9. С. 250–251]. Действительной, живой силой, которая производит право в истории, историческим источником права является деятельность отдельных лиц как членов общества. Наука призвана определить формы проявления этой силы «и законы, ею управляющие, т.е. отношение помянутых форм между собою, к условиям их возникновения и развития и к последствиям их» [9. С. 314].

Преимущественный интерес С.А. Муромцева к проблемам динамики права встретил непонимание и жесткую критику как со стороны представителей юридического позитивизма, так и со стороны Н.М. Коркунова за то, что Муромцев отождествил научное изучение права «с изучением историческим, так что практическому правоведению мы можем, с этой точки зрения, противопоставить как чистую науку только историю права» [27. С. 40–41]. Между тем, по мнению Н.М. Коркунова, «законы развития нельзя

считать единственными законами. Наука должна объяснить и законы недвижимого существования «наряду с динамическими законами и законы статические» [27. С. 41–42]. Как бы ни были изменчивы принципы права, для объяснения правовых явлений одинаково необходимо «как исследовать изменяющееся исторически содержание принципов права, так и определить общие свойства и элементы такого сознания обусловленной возможности, его психологическую основу и его социальное значение» [27. С. 42]. В то же время Н.М. Коркунов отметил, что и самые решительные приверженцы исключительно историко-научного изучения права приходят к такому пониманию. «Так, проф. Муромцев свое новейшее исследование (“Определение и основное разделение права”. – Л.Б.) посвятил ни чему иному, как именно выяснению свойств правовых явлений, совершенно оставляя в стороне исследование порядка смены правовых принципов» [27. С. 43]. Б.А. Кистяковский фактически повторил оценку Н.М. Коркунова, отметив, что «Муромцев не столько стремится установить социальные законы развития права, сколько пытается дать социально-научное учение о праве» [31. С. 209, 385].

Разграничение сущего и должного имело для С.А. Муромцева и другое значение. В магистерской диссертации и ряде других работ по римскому праву он исследовал процесс правообразования – происхождение объективного права. «С.А. Муромцев указал на то, что основная задача научного познания права заключается в исследовании причинных соотношений в процессе созидания права» [31. С. 163–164]. В книге «Определение и основное разделение права» он переходит от рассмотрения права в объективном смысле (обычное право, закон, право юристов) как относящегося к сфере долженствования к рассмотрению его в субъективном смысле (отношения, защищенные организованным способом). Юридические нормы составляют могущественный непосредственный фактор правового порядка, но не обязательно применяются в реальной жизни [24. С. 142–144]. «С исторической точки зрения называть правом следует совокупность только таких юридических норм, которые действительно применяются в жизни. Это и есть право действующее в строгом смысле этого слова» [12. С. 17]. Положительное право входит в его состав лишь настолько, насколько они применяются на практике отдельными лицами или судебной властью. Отсюда и выбор предмета исследования – не нормы как таковые, а «гражданско-правовые отношения и совокупность их, гражданско-правовые порядки, которые существовали и существуют в исторической действительности» [24. С. 62].

Краеугольным камнем положительной школы называет С.А. Муромцев разделение науки на две стадии: науку в строгом смысле слова и науку в смысле искусств или (в приложении к правоведению) политику права [32. С. 219–220]. Наука в строгом смысле слова (общее гражданское правоведение) не преследует никакой практической цели, но, руководствуясь исключительно требованиями любознательности, изучает законы развития гражданского права

[20. С. 121]. Задача социологического изучения (и статике, и динамике) состоит в построении научных законов. В отличие от догмы наука права оперирует не принципами права той или иной страны: предметом социологического изучения служат исторические (эмпирические) законы [28. С. 10]. Согласно С.А. Муромцеву, изучение сущего открывает законы в научном смысле этого слова (естественные законы или законы природы). Эти законы выражают единообразие, существующее в сочетании явлений, они неизменны и ненарушаемы, а их реализация неизбежна. Законы природы воспроизводятся в наших суждениях, которые лишь констатируют существующую связь, но действуют независимо от того обстоятельства, известны или неизвестны они человеку. Критика их не имеет смысла [33. С. 79–80]. В философско-историческом (общенаучном) смысле под законом подразумевается «постоянство, которое существует в силу природы вещей в отношениях между явлениями, или явлениями и их условиями и последствиями» [24. С. 28]. В качестве примера законов развития права как социального явления С.А. Муромцев в дискуссии с С.В. Пахманом и А.Х. Гольмстеном предложил следующие формулы: «...в жизни каждого народа период свободного развития юридических идей предшествует периоду формализма... такие-то изменения в гражданском обороте сопровождаются признанием преступности обмана... юриспруденция образованного общества склонна предполагать в каждом лице добросовестность» [29. С. 25–26]. Как иронично заметил Г.Ф. Шершеневич, «такая бедность установленных законов не смущает г. Муромцева и не удерживает его от заявления, что уже при современном состоянии науки гражданского права последняя обладает замечательными обобщениями» [5. С. 204].

Н.М. Коркунов видел коренной недостаток реформирования правовой науки в том, что с изменением вместе с методом и задачей самого предмета изучения «наука уже не может остаться сама собой. Заменяя один предмет изучения другим, мы уже более не обновляем науки, а прямо ставим на ее место другую, не имеющую с ней ничего общего» [27. С. 18]. Но Н.М. Коркунов, можно сказать, ломился в открытую дверь, поскольку автор новой теории и сам утверждал и до и после критики: «...будучи поставлено на положительную почву, правоведение представляется отделом социологии, который посвящен изучению юридической (организованной) защиты как одной из важнейших функций социального организма» [24. С. 155; 29. С. 7].

В «Очерках общей теории» 1877 г. С.А. Муромцев полемизирует с тем, что его кумир Р. Иеринг назвал «юриспруденцией понятий». Формально-юридический подход к праву, характерный для догмы, не только сводит право к совокупности норм объективного права (выраженного в законах, обычном праве и т.д.), но и ограничивает исследование права формально-логическими операциями с правовыми понятиями. Юрист «оперирует готовыми юридическими определениями, возводя их к логическому единству и слагая их в возможно стройную систему,

основанную на логическом родстве понятий. Следуя этому приему, догма совершенствует юридическую систему в том отношении, что перерабатывает конкретное и абстрактное, от определений восходит к институтам и понятиям; но здесь она не выходит за пределы данного ей круга идей и обрабатывает не столько современное действующее, сколько положительное право» [9. С. 96].

Вслед за критикой старой догматики С.А. Муромцев дал характеристику и новой, реформированной догматике, которая отрешается от своей цеховой, ремесленной замкнутости и из искусства становится наукой [9. С. 96]. Новый – критико-созидающий, прием «ведет к уяснению мотивов каждого определения и к толкованию их смысла сообразно мотивам; догма опирается в этом случае на историческую почву и рассматривает правоопределение как живое явление в процессе развития данного общества». Критика «оценивает также целесообразность самих этих стремлений с точки зрения общих культурных задач данного времени» и ведет юриста дальше – к совершенствованию правовых определений [9. С. 96–97; 24. С. 38]. Конструктивный прием «принимает за исходную точку разрозненные выражения какой-либо впервые пробивающейся юридической идеи и развивает их в целый институт сообразно современным потребностям гражданского оборота и воззрениям на справедливость» [9. С. 97]. «Кроме толкования, критики и развития положительных определений, он уполномочен к свободному творчеству на самостоятельной почве. Судебная практика, обязанная найти всегда необходимый закон, хотя бы он не был написан в законах, дает реальную опору такому творчеству» [9. С. 97–98]. Научная теоретическая догма должна оперировать всеми названными приемами и воспроизвести в своей системе действительное соотношение отдельных институтов и определений [9. С. 98].

В последующем из этого различия старой и новой (критико-созидающей) догмы выросла концепция двух догм. «Догма права в строгом смысле есть исследование какого-либо действующего права в интересах применения его на практике» [29. С. 11]. Она «представляет в надлежащей стройности тот правовой порядок, который юрист-практик должен осуществлять в своей деятельности» [29. С. 8]. Составляя отрасль юридического искусства, догма не может претендовать на то, что в ней признавали науку в строгом смысле этого слова. Догма права («гражданских правоопределений») складывается на основании положений политики права: «гражданско-правовая политика определяет цели и приемы, которыми должны руководствоваться гражданский законодатель и судья». В свою очередь догма «излагает действующие в стране правоопределения в таком виде и по такой системе, которые прямо отвечают требованиям гражданского судебной политики» [24. С. 27–28]. Г.Ф. Шершеневич по этому поводу справедливо отметил, что таким образом у Муромцева наблюдается «сближение между догмой и законодательной политикой как двумя отраслями гражданско-правовой политики» [34. С. 88].

Однако догма, согласно С.А. Муромцеву, имеет и другое значение. Догма («описательное гражданское

правоведение») является подготовительной стадией к науке, которая «описывает в правильной системе факты гражданского права» [24. С. 27–28]. Догма права есть не что иное, как описание настоящего, история настоящего [19. С. 75]. В 1884–1885 г. С.А. Муромцев более четко изложил свою позицию: общая догматическая теория (догма) – это «систематическое изложение начал (принципов) действующего права какой-либо страны и какого-либо времени. Такое изложение описывает, обобщает, определяет и классифицирует». Оно не является исследованием законов в научном смысле слова, но может быть подготовительной стадией для индукции и дедукции, чем должно заниматься правоведение как часть социальной науки [29. С. 8, 22].

В качестве примера историко-догматического подхода к изучению права можно привести книгу С.А. Муромцева «Гражданское право древнего Рима». Историко-догматические сочинения не претендуют на практическое применение в качестве источников права, однако весьма полезны при исследовании системы и эволюции права. Но такое же значение для объективно-научного изучения права могут иметь и догматические сочинения на основе действующего законодательства [35].

Догма изучает должное – веления или правила поведения. Исходным материалом общей догматической теории являются правила, разнообразные юридические формы, своєю совокупностью образующие право» [29. С. 19]. Правила поведения выражают должное в противоположность только сущему. Они требуют поступать известным образом при известных условиях, воспроизводятся в велениях, а не суждениях и обладают свойством понудительности: веление постулирует желательную связь. Для того чтобы подчиниться правилу поведения, человек должен так или иначе сознать его; правила поведения могут быть нарушены, они подлежат критике [33. С. 79–80].

Закон (государственное постановление) относится к области явлений, но не к области законов в научном смысле [24. С. 31]. Юридический принцип, как и конкретная норма, составляет продукт человеческой деятельности и указывает на то, что должно быть. Это всего лишь обобщенное описание или выражение совокупности общих свойств (общего смысла) существовавшего или существующего порядка, правил, отношений, действий [24. С. 29–30]. «Принцип есть юридическая норма, обнимающая своим содержанием общие существенные черты многих частных правил или норм» [29. С. 13], и в таком качестве не содержит в себе ничего сверх тех частных правил, которые он обобщает [29. С. 15].

Под догмой подразумевается систематическое изложение начал (принципов) действующего права [29. С. 8]. Метод догмы в строгом смысле – формально-логический. Традиционная догма пассивно воспроизводила юридические определения [9. С. 96]. Она «...оперировала не столько над реальным существом институтов, сколько над смыслом их названий... Тот же характер сохраняла и систематика гражданского права» [20. С. 125].

Догматическое исследование состоит из описания разнообразных юридических форм, образующих в совокупности право. Процесс догматического освоения права включает в себя описание [29. С. 11–12], обобщение [29. С. 17], определение [20. С. 123–125], классификацию [29. С. 18]. Догма «должна ограничиться сравнением тех гражданских законодательств, которые стоят на уровне современного развития гражданской жизни образованных наций» [29. С. 19]. Обобщая их, догматик вырабатывает принципы (или начала), т.е. нормы более общего характера. Задача догматической теории – дать правила и определения практику и облегчить ему его дело [29. С. 19].

В дискуссии с А.Х. Гольмстеном и С.В. Пахманом С.А. Муромцев указывал, что «в догме нет ничего индуктивного и ее обобщения суть не более как обобщения понятий и предложений» [29. С. 11, 21]. А его оппоненты смешивают процесс образования общих понятий с индуктивным обобщением и не отличают словесных предложений от реальных [29. С. 19–21]. Настоящая же (несовершенная, в смысле Дж.Ст. Милля и А. Бэна) индукция заключается в обобщении реальных явлений.

Исследование методологических оснований теории С.А. Муромцева показывает безусловную значимость его изысканий теоретико-методологического характера как с точки зрения истории юридической науки, так и с точки зрения развития современной теоретической юриспруденции в России. Формирование социологической концепции С.А. Муромцева происходило в первую очередь на основе юридических исследований по истории и догме римского права. Исходный пункт исследований – факторы образования объективного права в Древнем Риме. Локальный сюжет и вывод о консерватизме как психологической особенности и факторе правообразования, сделанный на основе концепции Иеринга и исследований Муромцева, стали отправной точкой для выработки собственной концепции права российского ученого. Римское гражданское право с характерным для него особенным значением исковой защиты стало конкретным историческим материалом для толкования права как защищенного интереса (Р. Иеринг), или отношения, защищенного организованным способом (С.А. Муромцев).

Еще один вывод – о роли юридического мышления (юриспруденции в широком смысле) в процессе правообразования, о том, что непосредственным (ко-

нечным) источником права является юриспруденция (при осознании роли экономических и иных факторов), – сделанный также на римском материале, и сегодня может служить ориентиром в социологическом исследовании процесса правообразования.

Социологическая концепция права была выстроена С.А. Муромцевым в первую очередь на основании критического анализа главных линий развития немецкой юриспруденции – гегельянства, исторической школы, практического направления и работ Р. Иеринга. В последующем более активно использовалась непосредственно методология позитивистской философии. Очевидное подтверждение этому – терминологический переход от историко-философского к объективно-научному методу.

В оценке историзма С.А. Муромцева и применения им исторического и историко-сравнительного метода следует учитывать, что ученый, будучи последовательным сторонником позитивистской методологии считал принципиально важным дополнение и проверку исторического знания (законов истории) данными о природе человека и общества, т.е. применением общих априорных положений или, другими словами, дополнение индукции дедукцией из психологических и социологических законов. Еще один важный момент научной методологии С.А. Муромцева – так называемый психологизм, ориентированный в первую очередь на объяснение процессов правообразования.

Б.А. Кистяковский указывал, что «наряду с чисто социологической задачей – исследовать законы возникновения и развития права – существует гораздо более важная научно-теоретическая задача – исследовать те причинные соотношения, которые обуславливают самое существо права» [31. С. 386]. Сегодня вполне очевидно, что «социально-научное учение о праве» не может ограничиваться определением права и его разделением. За пределами исследования в таком случае остается проблема функционирования права в его связи с обществом и государством (что, собственно, и должно составлять статику). В то же время отсутствие решения указанной проблемы нельзя ставить в упрек С.А. Муромцеву – он проделал важнейшую работу, развернув исследование права в социологическом направлении и предложив соответствующее определение права. В том, что российская правовая наука не так далеко продвинулась в эту сторону, нет вины выдающегося юриста.

Список источников

1. Кистяковский Б.А. Право, как социальное явление. М. : Типолитография Т-ва «Владимир Чичерин», 1911. 17 с.
2. Гревцов Ю.И. С.А. Муромцев и его труд «Определение и основное разделение права» // Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. 2-е изд., доп. СПб. : Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2004. С. 8–15.
3. Думашевский А.Б. Наше правопонимание – что оно и чем оно должно быть // Журнал Министерства юстиции. 1867. Т. XXXI, № 1. С. 3–32.
4. Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. 2-е изд., исправ. и доп. СПб. : Тип. Стасюлевича, 1876. 454 с. (вступительная лекция, прочитана в Санкт-Петербургском университете 11 сентября 1873 года).
5. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. Казань : Тип. имп. ун-та, 1893. [2], 243, [1] с.
6. От редакции // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. № 1. С. 1–6.
7. Иеринг Р. Письмо к русским издателям его книги «Цель в праве» // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. № 2. С. 1–3.
8. Кавелин К.Д. Какое место занимает гражданское право в системе права вообще? // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. Книга первая. Январь–февраль. С. 80–114.
9. Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права // Избранные труды. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 600 с.

10. Сергеевич В.И. Задача и метод государственных наук. Очерки современной политической литературы. М. : Типография Грачева и К°. 1871. VIII, 231, 1 с.
11. Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М. : Типография Вильде, 1904. 108 с.
12. Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. 2-е изд., исправ. и доп. М. : Типография А. И Мамонтова и К°, 1886. 98, II с.
13. Ковалевский М.М. Речь // Протокол заседания общего собрания юридического общества, посвященного памяти почетного члена общества С.А. Муромцева. Труды юридического общества при императорском С.-Петербургском университете. Т. IV: Второе полугодие 1910. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. С. 176–187.
14. Каминка А. И. Речь. Протокол заседания общего собрания юридического общества, посвященного памяти почетного члена общества С.А. Муромцева // Труды юридического общества при императорском С.-Петербургском университете. Том. IV. Второе полугодие 1910 г. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1912. С. 187–201.
15. Рудоквас А.Д. Сергей Александрович Муромцев и его книга «Гражданское право Древнего Рима» // Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М. : Статут, 2003. С. 7–19.
16. Батиев Л.В. Римское право и развитие юридической науки в концепции С.А. Муромцева // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 191–199. doi: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.191-199
17. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Перевод с третьего исправленного немецкого издания. СПб. : В типографии В. Безобразова и комп., 1875. X, 309 с.
18. Римское частное право. М. : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. 583 с.
19. Муромцев С.А. Римское право, как предмет науки // Журнал гражданского и уголовного права. 1875. Кн. 6: Ноябрь–декабрь. С. 66–80.
20. Муромцев С.А. Рецепция римского права на Западе. М. : Типография А.И. Мамонтова и К°, 1886. IV, 150. V с.
21. Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции: Опыт по истории римского права. М. : Типография А.И. Мамонтова и К°, 1875. 189 с.
22. Кузнецов К.А. К характеристике исторической школы юристов. Одесса : Тип. «Техник», 1914. 19 с.
23. Герье В.И. Консерватизм у римлян. Опыт по истории римского права. С. Муромцева. Москва, 1875 // Вестник Европы. 1875. Т. 5, № 9 (сентябрь). С. 224–268.
24. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. 2-е изд. СПб. : Издательский дом СПб. гос. ун-та ; Изд-во юрид. факультета СПбГУ, 2004. 224 с.
25. Нечаев В.М. С.А. Муромцев как ученый и профессор. СПб. : Тип. Товарищества «Общественная польза», 1910. 16 с.
26. Муромцев С.А. О владении по римскому праву. По поводу сочинения Иеринга // Журнал гражданского и уголовного права. 1876. Книжка четвертая. Июль–август; Книжка пятая. Сентябрь–октябрь; Книжка шестая. Ноябрь–декабрь. С. 1–41.
27. Коркунов Н.М. О научном изучении права // Сборник статей Н.М. Коркунова. 1877–1897. СПб., 1898. С. 17–64.
28. Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. 270 с.
29. Муромцев С.А. Что такое догма права? М. : Типография А.И. Мамонтова и К°, 1885. 35 с.
30. Милль Дж. Ст. Система логики. Пер. с 5 издания. Т. II. СПб. : Издание М.А. Вольфа, 1867. 537, VIII с.
31. Кистьяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998.
32. Муромцев С.А. Еще разъяснение // Юридический вестник. 1880. Т. III. Январь. С. 219–221.
33. Муромцев С.А. Основы гражданского права. Человек и общество. М. : Типография о-ва распр. полезн. книг. Преемник В.И. Воронов, 1908. 102 с.
34. Шершеневич Г.Ф. С.А. Муромцев, как ученый // Сергей Андреевич Муромцев : сб. ст. М., 1911. С. 80–91.
35. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима: Лекции. М. : Типография А.И. Мамонтова, 1883. 697 с., [XXXV].

References

1. Kistyakovskiy, B.A. (1911) *Pravo, kak sotsial'noe yavlenie* [Law As a Social Phenomenon]. Moscow: Tipolitografiya T-va "Vladimir Chicherin".
2. Grevtsov, Yu.I. (2004) S.A. Muromtsev i ego trud "Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava" [Muromtsev and his work "Definition and basic division of law"]. In: Muromtsev, S.A. *Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava* [Definition and basic division of law]. 2nd ed. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 8–15.
3. Dumashevskiy, A.B. (1867) *Nashe pravovedenie – chto ono i chem ono dolzhno byt'* [Our jurisprudence - what it is and what it should be]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 1 (31). pp. 3–32.
4. Malyshev, K. (1876) *Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva* [The Course of Civil Proceedings]. Vol. 1. 2nd ed. Saint Petersburg: Tip. Stasyulevicha.
5. Shershenovich, G.F. (1893) *Nauka grazhdanskogo prava v Rossii* [Science of Civil Law in Russia]. Kazan: Tip. imp. un-ta.
6. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava*. (1879) Ot redaktsii [From the Editors]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava*. 1. pp. 1–6.
7. Jhering, R. (1882) Pis'mo k russkim izdatelyam ego knigi "Tsel' v prave" [Letter to the Russian publishers of his book The Purpose in the Law]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava*. 2. pp. 1–3.
8. Kavelin, K.D. (1880) Kakoe mesto zanimaet grazhdanskoe pravo v sisteme prava voobshche? [What is the place of civil law in the system of law in general?]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava*. 1. pp. 80–114.
9. Muromtsev, S.A. (2010) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
10. Sergeevich, V.I. (1871) *Zadacha i metoda gosudarstvennykh nauk. Ocherki sovremennoy politicheskoy literatury* [The task and method of state sciences. Essays on contemporary political literature]. Moscow: Tipografiya Gracheva i K°.
11. Novgorodtsev, P.I. (1904) *Iz lektsiy po obshchey teorii prava. Chast' metodologicheskaya* [From Lectures on the General Theory of Law. The methodological part]. Moscow: Tipografiya Vil'de.
12. Muromtsev, S.A. (1886) *Obrazovanie prava po ucheniyam nemetskoy yurisprudentsii* [Formation of Law according to the Teachings of German Jurisprudence]. 2nd ed. Moscow: Tipografiya A. I Mamontova i K°.
13. Kovalevskiy, M.M. (1912) Rech'. Protokol zasedaniya obshchego sobraniya yuridicheskogo obshchestva, posvyashchennogo pamyati pochetnogo chlena obshchestva S.A. Muromtseva [Speech. Minutes of the meeting of the general meeting of the legal society, dedicated to the memory of the honorary member of the society S.A. Muromtsev]. *Trudy yuridicheskogo obshchestva pri imperatorskom S.-Peterburgskom universitete*. 4. pp. 176–187.
14. Kaminka, A.I. (1912) Rech'. Protokol zasedaniya obshchego sobraniya yuridicheskogo obshchestva, posvyashchennogo pamyati pochetnogo chlena obshchestva S.A. Muromtseva [Speech. Minutes of the meeting of the general meeting of the legal society, dedicated to the memory of the honorary member of the society S.A. Muromtsev]. *Trudy yuridicheskogo obshchestva pri imperatorskom S.-Peterburgskom universitete*. 4. pp. 187–201.
15. Rudokvas, A.D. (2003) Sergey Aleksandrovich Muromtsev i ego kniga "Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima" [Sergei Alexandrovich Muromtsev and his book "Civil Law of Ancient Rome"]. In: Muromtsev, S.A. *Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima* [Civil Law of Ancient Rome]. Moscow: Statut. pp. 7–19.

16. Batiev, L.V. (2019) Roman law and the development of legal science in S.A. Muromtsev's concept. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 8. pp. 191–199. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.191-199
17. Jhering, R. (1875) *Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya* [The spirit of Roman law at various stages of its development]. Translated from German. Saint Petersburg: V tipografii V. Bezobrazova i komp.
18. Pereterskiy, I.S. & Novitskiy, I.B. (1948) *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman Private Law]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo ministerstva yustitsii SSSR.
19. Muromtsev, S.A. (1875) Rimskoe pravo, kak predmet nauki [Roman law as a subject of science]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovornogo prava*. 6. pp. 66–80.
20. Muromtsev, S.A. (1886) *Retseptsiya rimskogo prava na Zapade* [Reception of Roman law in the West]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i K°.
21. Muromtsev, S.A. (1875) *O konservatizme rimskoy yurisprudentsii: Opyt po istorii rimskogo prava* [On the Conservatism of Roman Jurisprudence: Experience in the History of Roman Law]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i K°.
22. Kuznetsov, K.A. (1914) *K kharakteristike istoricheskoy shkoly yuristov* [On the Characteristics of the Historical School of Lawyers]. Odessa: Tip. "Tekhnika".
23. Guerrier, V.I. (1875) Konservatizm u rimlyan. Opyt po istorii rimskogo prava. S. Muromtseva. Moskva, 1875 [Roman conservatism. Essay on the History of Roman law. By S. Muromtsev. Moscow, 1875]. *Vestnik Evropy*. 9 (5). pp. 224–268.
24. Muromtsev, S.A. (2004) *Opreделение i osnovnoe razdelenie prava* [Definition and basic division of law]. 2nd ed. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
25. Nechaev, V.M. (1910) *S.A. Muromtsev kak uchenyy i professor* [S.A. Muromtsev As a Scientist and Professor]. Saint Petersburg: Tip. Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".
26. Muromtsev, S.A. (1876) O vladenii po rimskomu pravu. Po povodu sochineniya Ieringa [On possession under Roman law. Concerning the essay of Jhering]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovornogo prava*. 4–6. pp. 1–41.
27. Korkunov, N.M. (1898) *Sbornik statey N.M. Korkunova. Obshchie voprosy prava. Istoriya prava. Gosudarstvennoe pravo. Mezhdunarodnoe pravo. 1877–1897* [Collection of articles by N.M. Korkunov. General questions of law. History of law. State law. International law. 1877–1897]. Saint Petersburg: N.K. Martynov. pp. 17–64.
28. Zor'kin, V.D. (1978) *Positivistskaya teoriya prava v Rossii* [Positivist Theory of Law in Russia]. Moscow: Moscow State University.
29. Muromtsev, S.A. (1885) *Chto takoe dogma prava?* [What is the Dogma of Law?]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i Ko.
30. Mill, J.S. (1867) *Sistema logiki* [System of Logic]. Translated from English. Vol. 2. Saint Petersburg: Izdanie M.A. Vol'fa.
31. Kistyakovskiy, B.A. (1998) *Filosofiya i sotsiologiya prava* [Philosophy and Sociology of Law]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy.
32. Muromtsev, S.A. (1880) *Eshche raz' yasnenie* [Another explanation]. *Yuridicheskij vestnik*. 3. pp. 219–221.
33. Muromtsev, S.A. (1908) *Osnovy grazhdanskogo prava. Chelovek i obshchestvo* [Fundamentals of Civil Law. Man and society]. Moscow: Tipografiya o-va raspr. polezn. knig. Preemnik V.I. Voronov.
34. Shershenevich, G.F. (1911) S.A. Muromtsev, kak uchenyy [S.A. Muromtsev as a scientist]. In: *Sergey Andreevich Muromtsev*. Moscow: [s.n.]. pp. 80–91.
35. Muromtsev, S.A. (1883) *Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima: Lektsii* [Civil Law of Ancient Rome: Lectures]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova.

Информация об авторе:

Батиев Л.В. – канд. юрид. наук, зав. лабораторией политологии и права Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: batiev@ssc-ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.V. Batiev, Cand. Sci. (Law), head of the Political Science Laboratory, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of The Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: batiev@ssc-ras.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.06.2021;
одобрена после рецензирования 08.09.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 24.06.2021;
approved after reviewing 08.09.2021; accepted for publication 28.01.2022.*